

УДК 37: 130.2

ЧЕЛОВЕК: ЕГО ОБРАЗОВАНИЕ В КУЛЬТУРЕ

В. Д. Семенов

Образование подрастающих поколений – это связующее звено (посредник) и между индивидами и обществом, и между насущным и вечным. Конечно же, образование – социальный институт, но мы ведем речь об образовании как феномене культуры.

Педагогические идеи создают мифы; если идеи изменяются, то это воспринимается как крах мифов, так как в образовании все выстраивается на вере и внушении и для взрослых, и для детей. И в этом смысле у образования много общего с религией и религиозным сознанием человека.

Мифологичность образования, на наш взгляд, заключается в следующем:

- несмотря на то что образование ориентирует человека на насущное, в нем есть сверхинформация, которая поднимает человека над обыденностью и зовет его в дальние дали;
- вся реальная жизнь участников образовательного процесса соткана из обрядов (традиций, мероприятий), элементов игры;
- вся иерархическая пирамида образования покоится на авторитете учителя, его слова.

Значит, как только разрушается у людей вера в образование как средство решения насущных проблем, то страх еще какое-то время удерживает этот социальный институт от распада. Страх и взрослых, и детей перед последним рубежом, за которым отчаяние одиночества. Страх незримо или зримо постоянно присутствует во всех составляющих системы образования. Страх у людей может исчезнуть от постоянных неудач, безысходности, и тогда – бунт. Страх может преобразоваться в уверенность в своих силах. Когда у каждого человека будет развито персональное мышление, тогда наступит “время нового порядка” (новых “моделей”).

Образование станет для людей мифом, если они в него войдут добровольно, если у выпускников сбывшиеся перспективы будут как-то увязываться с воспоминаниями о школе, теплыми и благодарными. На этом пути люди встречаются с целым рядом сложностей:

1. Давно известно, что дети воспринимают учителя (человека) “слитно” с тем учебным предметом, который он преподает. Если дети невзлюбили учителя (человека), то они не учат “его” предмет, объективно отчуждаясь от содержания предмета, т. е. от целого блока культуры.

2. В школьной жизни ребенка образуется брешь, и в его душу проникают самые разнообразные влияния, из которых и выбирает ребенок на основе своего опыта. Для взрослых, как правило, этот выбор – загадка.

3. Сложившееся в школе утилитарное отношение друг к другу (взрослых и детей) объективно уничтожает школу, связь между прошлым и будущим. Остается лишь принцип: “Ты – мне, я – тебе”.

Можно бесконечно перечислять сложности создания духовных отношений в школе (школа – храм; школа – свет; школа – миф), но главное не в этом, а в понимании того, что школа – это не учреждение, пусть даже и образовательное. В учреждении не может быть учителей и учеников; в учреждение приходят к чиновникам просители, ходатаи и т. п. в строго определенное время. Введение термина “образовательное учреждение” в Закон “Об образовании” вместо “школы”, снижает смысл образования до социального учреждения, и миф развеивается. И напрасно: дети еще не являются сознательными носителями правосознания. Они охотно ходят в школу, пока верят своим учителям, пока живут школьными заботами, в том числе и учебными. Взрослые (учителя) полагают, что школа несет в себе нечто гораздо большее, чем содержание собственно уроков, – это ее дух и миф. Дети, “облаченные” культурой отношений, будут спасены на всю жизнь и ограждены изнутри от влияния антикультуры. В чем же суть мифа образования?

Прежде всего, это знания, что преподаются и усваиваются в школах. Знание становится значимым для человека и человечества в целом только в том случае, когда оно освоено, т. е. прочувствовано и осмыслено. Все остальные влияния, с которыми сталкивается человек, можно обозначить как сведения, которые нейтральны по отношению к себе: они есть и все (наподобие меню: “выбирай что хочешь”). Информация может выступать и как сведения, и как знания, но в том случае, когда на основе данных обратной связи можно убедиться, что информация освоена человеком и стала для него знанием.

Философы, психологи, педагоги давно отметили отличие знаний от сведений, и можно привести длинный список высказываний мудрецов-гуманистов о том, что знания нельзя “преподать”, их можно только лично освоить, переживая. Откуда же тогда профессиональные выражения: “я преподаю...”, “я прошла параграф...”, “я проверяю знания...”? Это заблуждения взрослых или просто профессиональный сленг? Ответов много, и все они непростые.

Знания для учащихся и студентов выступают как нечто данное и неизвестное, а потому познание основано на вере. Это и есть миф. Ребенка можно вразумлять, если он верит в миф образования. Вера – некритическое усвоение информации о том, чего человек не знает. Освоенное в вере – авторитет источника информации. Ребенок с помощью авторитета познает тайну, и происходит чудо: он начинает сознавать, в нем пробуждается сознание.

Однако у родителей, учителей просто очень мало времени на воспитание детей: каких-то 16–18 лет, а там уж их ребенка ждут вузы, производство, военкоматы, больницы, тюрьмы и многое другое, в том числе собственная семья. Ребенок еще об этом не знает, а родители уже знают. Они и воспитывают своих детей во имя их жизни и своей старости, потому и вводят детей в мифы образования: “Учись, мой сын...”.

В образовании прошлые муки открытий уже остыли и представлены в учебниках как спокойные формулы, правила, которые следует учить для того, чтобы... И только в душах некоторых ребят эти муки отзываются ответной болью. В утилитарной школе такая самореализация человека случайна, она случайна и для родителей: ребенок не такой, как у всех. Только вопреки такой школе человек находит себя, становится собой. Остальные выживают, вживаясь в реальную жизнь. Само по себе образование как трансляция прошлого будущему, минуя настоящее, ведет общество к стагнации.

В понятии “миф” есть дополнительный оттенок: фантазия, сказка, т. е. это архетип коллективного бессознательного. Этот оттенок реален, когда миф изжит людьми. (Например, мифы Древней Греции изучаются в школе как сказки; эпизоды из жизни Христа и его чудесные подвиги верующими до сих пор воспринимаются как реальность.) Мы были участниками и свидетелям того, как массировано вытесняли из сознания людей веру в то, что они советские люди, граждане СССР, “совки” (А. Зиновьев и многие другие). Прошли политизированные годы, отшумели митинги, к власти пришли “капиталисты” со своими мифами. Общественное сознание многомиллионной страны раскололось, а потому сегодняшнее состояние общества можно охарактеризовать как невротическое и агрессивное. В этой нестабильной духовной атмосфере подрастает новое поколение России. Конечно, это уже качественно иная страна с новыми мифами (культулом денег, силы и утилитаризма). Однако менталитет народа “интеллигентный” извести не успели: политизация массового сознания постепенно откатывается, как пена, и выступают подлинными свойствами народа. В заставках “Радио России” – это выражено фразой: “Россия – это мы”.

Образование как миф связано с социальными институтами опосредованно:

- через содержание образования, т. е. культуру своего народа, человечества, ценности этноса;
- духовность тех взрослых и детей, которые усваивают “человеческие смыслы” (А. Коган), внутри которых возрождается то, что называется душой, микрокосмом. Информационное поле такого человека входит в ноосферу, и в таком случае официальное образование уже имеет в лице своих выпускников людей с непредсказуемым для общества поведением.

Значит, в образовании есть пределы в развитии и воспитании человека. По нашему мнению, исторически первыми осознали эти пределы богословы, создавшие теократические школы.

Первые религиозные школы открывались при монастырях, окруженных высокими стенами или расположенных в труднодоступных горах Востока, резиденциях руководителей церкви. Там разрабатывали основы богословия, писали летописи, книги, проводили первые научные эксперименты. При взрослых росли и воспитывались дети, в основном из знатных семей и сироты. Однако сколько ни удерживай потаенные строчки, они вылетали в широкую жизнь в головах и сердцах выпускников. Однако когда и в этих школах исче-

зал миф, то и там творилось безобразие. Вспомним, например, “Очерки бурсы” Г. Помяловского и др.

Древние мудрецы понимали, что “тварь земную” (человека) можно и должно вразумлять, только опираясь на высокие духовные ценности. Освящая повседневность духом, наставники побуждали индивида к служению Богу, т. е. к саморазвитию и самовоспитанию. В то же время они не доверяли “твари земной”, а потому в школах в сердцах учеников наряду с благоговением перед Богом господствовал страх не только перед Вечным, но и перед достаточно реальными наказаниями. Теократические школы выстраивались богословами на идее дуализма сущности человека: “тварь земная” и духовность, дух.

Духовная практика постижения человеком Бога и себя в Боге за прошедшие века детально отработана и широко известна. Индивида приобщать к обществу, культуре можно только путем преобразования его природного состояния, возвышения потребностей, т. е. преобразования человеческой природы. Этого можно достичь следующим образом:

Первый путь – абсолютизация насущного социума. Это различные типы и виды социократических систем образования в разных странах в прошлом и настоящем.

Альбер Камю обстоятельно анализирует процесс “преобразования человека” в сталинской империи (“Бунтующий человек” и др.). Прежде всего это обоснование текущей политики законами истории: кто против нынешней власти, тот против истории. Поскольку индивидуальная жизнь не может быть сведена только к истории, то потенциально (объективно) виновны все. Техника пропаганды служит тому, чтобы определить меру податливости (человека) и постараться свести рефлексию человека к его условным рефлексам и выдрессировать целый народ. Поэтому язык тоталитарных учений – это всегда язык схоластики или канцелярии.

Обожествление истории, ее “земных богов” приводило к тому, что народ состоял из простых людей, а “земные боги” были для его понимания запредельными. Такова была причудливая связь между настоящим и будущим; на ней и выстраивался миф образования.

Второй путь – абсолютизация вечного и горнего мира. Это путь возвышения человека в его целостном стремлении к высшим ценностям, к Богу. “Мыслящий тростник”, в данном контексте ребенок, – чудо, тайна, которые актуализируются в общении с авторитетом. И когда в религиозных (как и в светских) школах нет авторитета, тогда и выходят в жизнь обездоленные циники.

Третий путь – путь акультуры. В философской литературе понятие “акультура” не несет негативного смысла слова “антикультура”. Акультуру как феномен современности, насущного обстоятельно исследовал В. Г. Капустин [1]. Акультура – это научные проекты, с помощью которых люди пытаются продвинуть современность к определенной цели. В проектах определяется, что современно, а что – нет, а потом намечаются пути следования

к современности. В нашей стране стремление реализовать “проект современности” привело к “вестернизации”, сущность которой определяется следующими факторами:

- универсализацией законов истории;
- ориентацией на Запад;
- принятием механизмов достижения современности в истории Запада как всеобщих ее законов.

Акультурные теории – такие, которые описывают модернизацию и современность в понятиях, являющихся нейтральными по отношению к рассматриваемой культуре. В образовании и воспитании в настоящее время господствуют самые разнообразные, порою причудливые проявления акультуры: от мультиков и жвачек до государственной политики.

Акультура в нашей стране на протяжении многих лет настраивала людей так, чтобы они куда-то стремились, выполняли цели исторического времени, а потому их личная жизнь была похожа на зал ожидания: “Вот окончу школу, тогда...”, “Вот окончу вуз, тогда...”. Так и жили по “пятилеткам”: строили заводы и т. п. и всю свою жизнь чего-то ждали, а собственная жизнь заканчивалась, нарождались новые люди и снова чего-то ждали...

Из всего этого следует, что акультура противопоказана образованию. Как следует из определения акультуры, она нейтральна к той культуре народа, куда ее внедряют под предлогом исторической целесообразности.

Четвертый путь – культура в образовании. В массовое сознание россиян, особенно молодежи, сейчас активно внедряется акультура Америки. Ее великая культура либо недоступна, либо искажается. Что происходит с “демократическими” институтами без поддержки демократического массового сознания знают не только политологи. Не случайно в стране уже появились олигархи.

Что же происходит в массовой школе? Как и в стране – беспредел акультуры:

- учителя в основном выпускники школы брежневских времен, растерялись: у них не стало идеи;
- возрастная психология по А. Петровскому и др. ориентировала учителей не на познание психики, души подрастающих людей, а только на учет тех возрастных особенностей, которые так или иначе проявляются в учении. Таким образом, и в этой “возрастной психологии” ребенок выступает как средство;
- многие исследователи и практики увлеклись новыми технологиями обучения, причем чаще всего западными. Технология же, вырванная из контекста своей культуры, выступает впоследствии как акультура, как механизм манипуляции личностью.

Основное противоречие в жизни людей на планете – это противоречие между личной жизнью человека, его персональным мышлением, его интересами и смыслом жизни и социумом (надличными отношениями), созданным людьми, но существующим по своим законам. В социуме индивиды – это персонифицированные функции: “социальный муравейник”.

Исследователей достаточно интересовали пути преодоления отчуждения индивида от общества, его одиночества среди людей. И до сих пор не найдено средство преодоления этого противоречия; более того, оно углубляется в современной цивилизации.

В действительности у воспитания довольно скромные возможности в становлении индивидуальности (именно это тайна). Воспитание (часто его подменяют формированием) почти всецело, так как оно игнорирует духовную практику индивидов.

У любого человека есть общие две даты: рождения и смерти. От них не уйти никому: ни герою, ни трусу, ни гению, ни дураку. Зачем же тогда всю жизнь чего-то хотеть, к чему-то стремиться? Этот вопрос вечен, и на него ни у кого нет общего ответа, так как каждый умирает в одиночку и по-своему. Смерти боятся все: она запредельна и разрушает целое, потому и работает инстинкт самосохранения. Говорят, что не боятся пассионарии. Несомненно одно: до тех пор пока индивид ждет смерти, человечество будет мучиться в поисках смысла индивидуальной жизни, а в конце XX в. – в поисках смысла жизни человечества на планете.

Для индивидуальности (осознанно или нет) главное в другом – успеть. Индивидуальность, может быть, ощущает свое призвание. И вот эта тайна призвания проявляется в человеке, как правило, в самом раннем возрасте, удивляя и родителей, и родственников: “нестандартный” ребенок!

Мудрость воспитателей заключается в умении относиться к ребенку как к возможному гению. Ни сам ребенок, ни взрослые этого не знают и не могут знать! Стало быть, взрослым нужно понять ребенка, за детскими шалостями прозреть пока невидимые увлечения и не мешать природе, помогать ребенку осознать себя и найти свое место в жизни. Как это сделать? Рецептов опять-таки нет. Тайну не постигнешь с помощью педагогических технологий. Пути к ней надо искать взрослым в своем сердце, в своей любви к ребенку.

Родители, воспитатели, разглядев “нестандартного” ребенка, должны очень остро чувствовать предел своего участия в его становлении. Любое проявление души ребенка взрослым нужно внимательно анализировать. И как бы ребенок ни удивлял родителей своими умными словами, но если он живет, как маленький Онегин: “Одет, раздет и вновь одет”, то можно спрогнозировать, что ничего хорошего из него не выйдет.

Необыкновенное в ребенке может проявляться по-разному. Это может быть:

- познавательная активность (выдумки, сказки, проявление способностей к стихосложению и т. п.). Этот маленький фантазер (или фантазерка) слишком много приносит хлопот родителям, а тем более учителям. Как развивать этот природный дар, люди уже знают: есть различные педагогические технологии по развитию творческого потенциала человека. Выпускник школы должен уметь осознавать смысл нужной ему информации, уметь ее добывать, обрабатывать, хранить и применять. По существу это должны уметь все. Однако творческие люди – особые, и они идут по этому пути индивидуально: ос-

ваивая все с помощью своей духовной практики, чаще интуитивно. И эта практика закрыта для посторонних, да и самого человека. Это вдохновение, озарение, это и есть тайна;

- трудовая активность по наследству (генетически) не передается, поэтому любить труд могут немногие, подавляющее большинство людей к труду относятся как к работе, средству выживания. Отчуждение от труда особенно проявилось в период технического прогресса, когда на первое место в труде вышли деньги. Деньги лишили человека радости от качества своего труда. Деньги безразличны к своему хозяину, а потому могут быть источником преступлений. Постепенно в обществе деньги приобретают какой-то мистический смысл: они вроде бы средство к существованию, но в то же время для отдельных людей деньги – это и смысл жизни. Для таких людей деньги опасны: они уничтожают их души, прежде всего ненасытным тщеславием, завистью, страхом. Творческий же труд бескорыстен и самоценен, так как он представляет собой самореализацию природной сущности человека: его дарований, увлечений. Уникальные результаты такого труда украшают музеи, коллекции;

- творческая игра. Родители, воспитатели, разглядев стремление ребенка к изобретательству, мастерству, просто должны помогать ему, какие бы причудливые формы это стремление ни приобретало. Самое пагубное в общении с такими ребятами это постоянное осаживание их до уровня середины. Ребенок постепенно “затухнет” и станет как все;

- коммуникативная активность человека обусловлена его природой. Кажется бы, уж тут-то тайны нет. И все же, пока есть люди, их внимание к самим себе не только не ослабевает, но с каждым годом усиливается: индивид все больше задает загадок себе и всем окружающим.

Перелом в жизни ребенка, который сравним только с его рождением, – его встреча с социально-функциональными отношениями среди людей, когда он почувствует, что именно он(а) в принципе никому не нужен(на). Отныне он – лишь модель человека: школьника, выпускника и т. д. Большинство людей достаточно хорошо адаптируются в таких условиях, иногда даже достигают определенных высот и становятся образцами для подражания; другие так и “умирают не родившись” (Э. Фромм).

“Нестандартность” ребенка проявляется и здесь: он хочет, чтобы окружающие люди любили его, радовались ему только потому, что он вообще есть и живет среди них. Отсюда и жесткая зависимость жизни ребенка от тех, кто и для чего встретил его на нашей планете.

Воспитание (не воспитательная работа!) довольно сложное явление, оно возможно только при родстве душ; это процесс эзотерический. Если учителя заботит только поведение, успеваемость ученика, а не его внутренний мир, то он духовный слепец. Даже опытные животноводы, дрессировщики обязательно учитывают особенности своих подопечных, а некоторые даже могут понимать и чувствовать их переживания.

Гуманистическое сознание предполагает признание самоценности человеческой жизни, уважение к человеку, готовность прийти на помощь и т. п.

Таким образом, на первый план в профессии учителя выходит идеальный блок ценностей, на взгляд обывателя, невидимый, неосязаемый (духовный!).

Однако есть еще пределы, сдерживающие развитие человека в современной жизни, – утилитарно-прагматические ценности, которые овладели уже многими людьми. Если внимательно присмотреться к подросткам, то в их мыслях и поведении уже не найти даже проблесков “загадочной русской души”. Это обычные люди – носители техногенной цивилизации, но с налетом криминальной психологии. Огромную разрушительную роль в этом сыграли передачи телевидения, видеокассеты, насаждающие ценности западной культуры: культ денег, силы. Уже целое поколение россиян выросло в антикультурной атмосфере. Как прорваться “нестандартному” ребенку к культуре своей страны и всего человечества через такой “дух” времени, если другого он никогда не видел, если этот “дух” – его реальная, земная жизнь?

К счастью, еще есть люди с устойчивой психикой и обостренным чувством собственного достоинства. Они внутренне сопротивляются массовому влиянию на себя (пассионарии). Оттого и не исчезает надежда на то, что в глубинах народа еще имеются люди, способные найти применение своим силам, чье сознание и поведение не разрушены стереотипами.

Итак, этнос создается и скрепляется культурой до тех пор, пока подавляющее большинство людей является ее субъектами и носителями. Этнос распадается, если разрушается его культура, хотя население еще продолжает физически существовать. Отсюда и основная функция образования – воспроизводство граждан своего Отечества, носителей его культуры, хранителей его духовного потенциала. Если же образование теряет веру в глазах народа (мифология его значимости разрушается), то она преобразуется либо в “сервисную службу”, либо держится за счет силы бюрократической системы. Распад этноса начинается с распада его культуры и образования. И самым пагубным фактором этого распада оказывается формирование акультуры, системы ценностей, чуждых культуре данного государства.

Литература

1. Капустин В. Г. Современность как принуждение и как свобода // *Вопр. философии*. 1998. № 4. С. 19–40.